ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Шарль Перро

Спящая красавица

и другие сказки
былых времён

«АЗБУКА»

Шарль Перро
«Спящая Красавица» и другие сказки былых времён

Серия «Детская библиотека. Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74788946
Шарль Перро "«Спящая красавица» и другие сказки былых времён": ООО «Издательство АЗБУКА»; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-389-35725-9

Аннотация

Шарль Перро получил всемирную известность благодаря своим литературным обработкам народного фольклора, впервые опубликованным в хрестоматийном сборнике «Сказки Матушки Гусыни» более трёхсот лет назад. С тех пор не одно поколение детей выросло на «Спящей красавице», «Красной Шапочке», «Коте в сапогах», «Золушке», «Мальчике с пальчике» и других бессмертных сказках автора. Перро входит в число самых издаваемых писателей в мире, а созданные по мотивам его произведений адаптации – от оперных партитур до культовых фильмов – собирают миллионы зрителей у экранов и театральных подмостков.

Наряду с наиболее известными сказками автора в сборник вошли редко издаваемые жемчужины его творчества: стихотворные повести «Гризельда», «Ослиная Шкура» и «Смешные желания», а также произведения талантливых последовательниц писателя Мари-Жанны Леритье де Виллодон, Мари-Катрин д'Онуа и Жанны-Мари Лепренс де Бомон.

Издание украшают классические гравюры величайшего иллюстратора XIX века Гюстава Доре и изумительные акварели французского живописца Эдуара де Бомона.

Содержание

Шарль Перро. Сказки Матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времён с поучениями 7
От автора 8
Её королевскому высочеству 14
Спящая Красавица 16
Красная Шапочка 52
Синяя Борода 64
Господин кот, или Кот в сапогах 88
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Шарль Перро
«Спящая красавица» и другие сказки былых времён

Оформление обложки Владимира Гусакова.

Иллюстрации Гюстава Доре, Эдуара де Бомона.

Текст «От автора», посвящение и сказки в прозе переведены А. Фёдоровым; «Гризельда» и сказки последовательниц Шарля Перро переведены С. Бобровым; «Ослиная Кожа», «Смешные желания» и все стихотворения в тексте печатаются по изданию: Перро Ш. Сказки / Пер. под ред. М. Петровского. М.; Л., 1936.

© С. П. Бобров (наследники), перевод, 2026

© А. В. Фёдоров (наследник), перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

THEATRE
G. Doré

Шарль Перро. Сказки Матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времён с поучениями

От автора

Приём, который публика оказывала сочинениям, составившим это собрание, по мере того как она получала их по отдельности, служит некоторым ручательством, что они не произведут на неё невыгодного впечатления, когда появятся все вместе. Нашлись, правда, люди, которые напускают на себя важность и обладают достаточной проницательностью, чтобы усмотреть в них только сказки, написанные ради забавы и посвящённые предметам не слишком значительным, и они отнеслись к ним с презрением; но, к нашему удовлетворению, оказалось, что люди, наделённые хорошим вкусом, судят о них иначе.

Они-то с удовольствием отметили, что эти безделки вовсе не безделки, а заключают в себе полезную мораль и что игривый склад повествования был выбран только затем, чтобы они действовали на ум читателя с большей приятностью,

вместе и поучая, и развлекая. Этого должно было бы быть довольно для меня, чтобы не опасаться упрёка, будто я искал легкомысленной забавы. Но коль скоро я имею дело с людьми, которые примут не всякий довод и которых сможет убедить только пример и авторитет древних, то я успокою их и на этот счёт.

Милетские предания, столь знаменитые у греков и восхищавшие собой Афины и Рим, были не иного свойства, чем рассказы, вошедшие в это собрание. История о Матроне Эфесской такова же в своём существе, как и история о Гризельде; и та и другая – это новеллы, то есть рассказы о событиях, которые могли бы случиться, и они не содержат в себе решительно ничего противоречащего правдоподобию. История про Психею, написанная Лукианом и Апулеем, чистейший вымысел, нянюшкина сказка – вроде истории про Ослиную Кожу. Недаром, как мы видим, и у Апулея старуха рассказывает её похищенной разбойниками молодой девушке, подобно тому как «Ослиную Кожу» каждый день рассказывают детям их воспитательницы и бабушки. История земледельца, получившего в дар от Юпитера способность вызывать по своему усмотрению дождь и солнечную погоду и воспользовавшегося ею так, что ему привелось собрать лишь солому и ни единого зерна, ибо он ни разу не пожелал ни ветра, ни холода, ни снега и ничего на них похожего, что, однако, необходимо для произрастания злаков, – эта история, говорю я, того же рода, что сказка про смешные желания, хо-

тя первая серьёзна, а вторая забавна; смысл же обеих в том, что люди не знают, чего им надо и что для них большее счастье – идти по пути, указанному Провидением, или получать всякие блага по своему желанию.

Имея столь прекрасные образцы в премудром и преучёном мире древности, я и не опасаюсь, что кто-либо вправе обратить ко мне какой бы то ни было упрёк. Как я готов утверждать, истории мои даже более заслуживают того, чтобы их пересказывали, чем большая часть древних преданий, и в особенности предания о Матроне Эфесской и о Психее, если посмотреть на них со стороны морали – вещи главной во всякого рода историях, ради которой они и должны бы сочиняться. Вся мораль, которую можно вывести из истории о Матроне Эфесской, состоит в том, что часто женщины, кажущиеся самыми добродетельными, менее всего ими являются и что тем самым почти нет среди них таких, которые и на самом деле были бы добродетельны.

Кому же не ясно, что эта мораль весьма дурна и что она только развращает женщин, подавая дурной пример и внушая, будто они, изменяя своему долгу, только идут общим для всех путём? Не такова мораль «Гризельды», побуждающая жён всё терпеть от своих мужей и показывающая, что не отыщется среди них ни одного столь грубого и сумасбродного, которого не в силах было бы победить терпение порядочной женщины.

Что до истории о Психее, истории, которая сама по се-

бе весьма привлекательна и придумана весьма искусно, то скрытую в ней мораль, если бы я только знал её, я сравнил бы с моралью «Ослиной Кожи», но я до сих пор так и не мог разгадать её. Да, мне известно, что Психея означает душу, но я не знаю, как понимать Амура, влюблённого в Психею, то есть в душу, и мне ещё менее понятно, когда к тому же прибавляют, что счастье Психеи должно было длиться, пока она не узнает того, кого любит, а это был Амур, и что, напротив, она сделается очень несчастной, как только его узнает; для меня это неразрешимая загадка. Можно лишь сказать, что это предание, как и большая часть других, унаследованных нами от древних, сочинено было только ради развлечения и с полным пренебрежением к добрым нравам.

Иначе обстоит дело со сказками, которые наши предки придумывали для своих детей. Рассказывая их, они обходились без той грации и того изящества, которые греки и римляне придавали своим историям, но они постоянно проявляли великую заботу о том, чтобы вложить в свои сказки мораль похвальную и поучительную. Добродетель в них всегда вознаграждается, а порок наказывается. Все они проникнуты стремлением показать те блага, которые приобретаешь, будучи честным, терпеливым, разумным, трудолюбивым, послушным, и тот вред, который приносит отсутствие этих качеств.

То нам встретятся в них волшебницы, которые девушку, учтиво ответившую им, наделяют таким даром, что при каж-

дом слове из уст её падает алмаз или жемчужина, а другую, ответившую им грубо, – таким, что при каждом слове изо рта у неё выскакивает лягушка или жаба. Или мы увидим там детей, которые за то, что слушались родителей, сделались знатными господами, или же, напротив, таких, которых за их порочность и непокорность постигают ужаснейшие несчастия.

Как бы незначительны и как бы причудливы ни были приключения во всех этих историях, нет сомнения, они вызывают в детях желание походить на тех, кого они видят в них счастливыми, и страх перед теми несчастиями, в которые за свою злобу повергаются злодеи. Не достойны ли похвалы родители, которые своим детям, ещё не способным воспринимать истины существенные и ничем не приукрашенные, уж внушают к ним любовь и дают, так сказать, отведать их, облекая в форму рассказов занимательных и приспособленных к их слабому младенческому разумению? Просто невероятно, с какою жадностью эти невинные души, природную чистоту которых ничто ещё не успело осквернить, вкушают эти скромные поучения; мы видим, как они печальны и подавлены, пока герой или героиня находится в беде, и какими возгласами радости они встречают ту минуту, когда герои вновь обретает счастье; точно так же они с трудом сдерживаются, пока злодей или злодейка пребывает в полном благополучии, и приходят в восторг, когда узнают наконец, что те наказаны, как того заслуживали. Всё это – бросаемые в почву семена, которые сперва порождают лишь порывы радости или

приступы печали, но впоследствии непременно вызывают к жизни добрые наклонности.

Я мог бы придать моим сказкам большую приятность, если бы позволил себе иные вольности, которыми их обычно оживляют; но желание понравиться читателям никогда не соблазняло меня настолько, чтобы я решился нарушить закон, который сам себе поставил, – не писать ничего, что оскорбляло бы целомудрие или благопристойность.

А вот мадригал, который сочинила на сей счёт одна весьма умная девица, приписавшая его в конце «Ослиной Кожи», когда я послал ей эту сказку.

Здесь об Ослиной Коже дан рассказ простой
С такой наивной чистотой,
Что он во мне восторг невинный
Зажёг, как в дни, когда, бывало, у камина
Мой детский ум пленяла няня сказкой той.
Черты сатиры нам она являет,
Но желчи нет следа и злобы никакой.
И всем отраду сказка доставляет.
Но потому ещё люблю её читать,
Что нас она смеяться заставляет,
А между тем её и мать,
И духовник наш одобряет.

Шарль Перро

Её королевскому высочеству

ВАШЕ КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Никто не сочтёт странным, что ребёнку приятно было сочинить сказки, составившие это собрание, но удивление вызовет то, что он возымел дерзость преподнести их Вам. Однако, Ваше королевское высочество, какова бы ни была несоразмерность между простотой этих рассказов и просвещённостью Вашего ума, если со вниманием рассмотреть эти сказки, то станет видно, что я не столь достоин порицания, как это может показаться поначалу. Все они полны смысла весьма разумного и раскрывающегося в степени большей или меньшей, смотря по тому, насколько в него вникают читающие. К тому же, поскольку ничто так не отличает истинную широту ума, как его способность подыматься до предметов наиболее великих и в то же время снисходить до самых малых, никого не поразит, что та же принцесса, которой и по характеру её, и по воспитанию столь близко и привычно всё самое возвышенное, соблаговолит развлечься подобными безделками. Правда, что сказки эти дают понятие о том, что творится в семьях наискромнейших, где похвальное нетерпение, с которым родители спешат просветить своих детей, заставляет их придумывать истории вовсе не разумные, дабы приноровиться к этим самым детям, у коих разума ещё и нет; но кому же

лучше подобает знать, как живут народы, как не тем особам, которым небо предназначило ими руководить! Стремление узнать это приводило доблестных мужей, притом и мужей, принадлежавших к Вашему роду, в бедные хижины и лачуги, дабы вблизи и собственными глазами увидеть то примечательное, что делается там, ибо такое знание казалось им необходимым для полноты их просвещения. Итак, всемилостивейшая государыня,

В обличье той, кому я сказки предлагаю,
Вновь воплотилась быль седая.
Но ни одна из добрых фей
Не принесла в былые годы
Любимицам даров щедрей,
Чем вам премудрая природа.

Остаюсь с глубочайшим почтением ВАШЕГО КОРОЛЕВСКОГО ВЫСОЧЕСТВА смиреннейшим и покорнейшим слугой, Перро д'Арманкуром

Спящая Красавица

Жили когда-то король и королева, были они бездетны, и это их так огорчало, что и сказать невозможно. Они побывали на всех водах, какие только есть на свете; обеты, паломничества, молитвы – все средства были испробованы, и всё понапрасну. Наконец королева всё-таки понесла и родила дочь. Пышно справили крестины; в крёстные матери маленькой принцессе пригласили всех волшебниц, каких удалось найти в стране (их оказалось семь), чтобы каждая из них, как в ту пору принято было у волшебниц, наделила её тем или иным даром и принцесса явила бы собой пример всевозможных совершенств.

После обряда крещения всё общество вернулось в королевский дворец, где для волшебниц было приготовлено пиршество. Перед каждой из них поставили великолепный при-

бор и тяжёлый золотой футляр, в котором были вилка, ложка и нож из чистого золота, украшенные алмазами и рубинами. Но когда стали садиться за стол, вошла старая волшебница: её не пригласили, потому что она уже более пятидесяти лет не выходила из башни и все думали, что она умерла или заколдована.

Thiriet

Король велел поставить для неё прибор, но тяжёлый золотой футляр вручить ей, как другим волшебницам, уже не удалось, ибо их сделали всего семь – для семи волшебниц. Старуха решила, что ей выказывают пренебрежение, и проворчала сквозь зубы какие-то угрозы. Одна из молодых волшебниц, находившаяся поблизости от неё, услышала эти угрозы и, опасаясь, как бы та не наделила маленькую принцессу каким-нибудь неприятным даром, сразу же, едва только встали из-за стола, пошла и спряталась за занавесь, полагая, что говорить ей придётся после всех и тогда удастся, насколько это возможно, исправить вред, который причинит старуха.

Между тем волшебницы стали наделять принцессу разны-

ми дарами. Самая молодая обещала ей, что она будет прекраснее всех; другая – что она будет божественно умна, третья – что она всегда и во всём будет удивительно мила; четвёртая – что она будет безукоризненно танцевать; пятая – что она будет петь как соловей, а шестая – что на всех инструментах она будет играть с величайшим совершенством. Когда же пришёл черёд старой волшебницы, она сказала, тряся головой скорее от досады, чем от старости, что принцесса уколет себе руку веретеном и оттого умрёт.

Такой ужасный дар всех привёл в содрогание, и не было человека, который бы не заплакал. В этот миг из-за занавеси вышла молодая волшебница и сказала:

– Успокойтесь, король и королева, ваша дочь не умрёт. Правда, я недостаточно могущественна, чтобы сделать вовсе небывшим содеянное старой волшебницей: принцесса уколет себе руку веретеном, но она не умрёт, а только погрузится в глубокий сон и будет спать сто лет, а потом придёт королевский сын и разбудит её.

Король, чтобы избежать несчастья, предсказанного старухой, тотчас же издал указ, которым под страхом смерти всем подданным запрещалось прясть веретеном и даже держать веретёна у себя в доме.

Спустя лет пятнадцать или шестнадцать король и королева как-то раз поехали в один из своих загородных замков; молодая принцесса бегала по дому и подымалась всё выше и выше, переходя из комнаты в комнату, пока не зашла наконец в жалкий чулан на самом верху башни, где сидела совсем одна какая-то старушка и пряла. Эта добрая женщина ничего не слышала о том, что король запретил прясть на веретене. «Что это вы делаете?» – спросила принцесса. «Пряду, милое дитя», – ответила старуха, не знавшая её. «Ах как это прелестно! – сказала принцесса. – Как это вы делаете? Дайте-ка и мне – выйдет ли у меня так же, как у вас?» И так как принцесса отличалась большой живостью и некоторым легкомыслием и так как к тому же этого требовала воля волшебниц, то, взяв веретено, она тотчас же уколола себе руку и упала без чувств.

Старушка в немалом смущении зовёт на помощь: люди сбегаются со всех сторон, принцессе прыскают в лицо водой, её расшнуровывают, её хлопают по ладоням, ей трут виски водою королевы венгерской, но ничем не могут привести её в чувство.

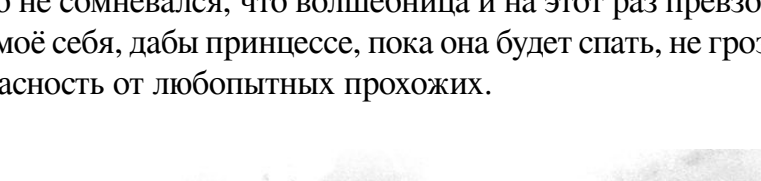
Тогда король, поднявшийся на этот шум, вспомнил о предсказании волшебниц и, рассудив, что так и должно случиться, раз это было предсказано, велел отнести принцессу в один из лучших покоев дворца и оставить на ложе, расшитом золотом и серебром. Можно было принять её за ангела – так она была хороша: несмотря на обморок, цвет её лица не утратил своей живости; щёки были как розы, а уста – словно коралл; глаза были закрыты, но слышно было, как она тихонько дышит, а это показывало, что она не умерла.

Король приказал, чтобы её оставили спокойно спать, пока не придёт час её пробуждения. Когда с принцессой случилось несчастье, добрая волшебница, которая спасла ей жизнь, присудив ей проспать сто лет, находилась в королевстве Матаквинском, за двенадцать тысяч миль, но её в один миг известил об этом карлик, носивший семимильные сапоги (то были сапоги, в которых за один шаг можно было сделать семь миль). Волшебница тотчас же пустилась в путь, а через час уже подъезжала к замку на огненной колеснице, запряжённой драконами. Король вышел ей навстречу и помог сойти с колесницы. Она одобрила всё, что он сделал, но, будучи особой весьма предусмотрительной, подумала и о том, что принцесса, когда ей придёт время пробудиться, попадёт

в немалое затруднение, оказавшись одна в этом старом замке. И вот что она сделала.

Своей палочкой она коснулась всего, что было в замке (кроме короля и королевы): ключниц, фрейлин, камеристок, кавалеров, прислужников, дворецких, поваров, поварят, мальчиков на побегушках, стражей, привратников, пажей, лакеев; она коснулась также и всех лошадей, какие стояли в конюшнях, и всех конюхов, всех больших дворовых псов и маленькой Пуф, собачки принцессы, лежавшей с ней на постели. Как только она дотронулась до них, они уснули, чтобы пробудиться вместе со своей госпожой, готовые служить ей, когда это будет нужно. Вертелы перед очагом, усаженные куропатками и фазанами, задремали, и огонь тоже. Всё это произошло в один миг: волшебницы скоры на руку.

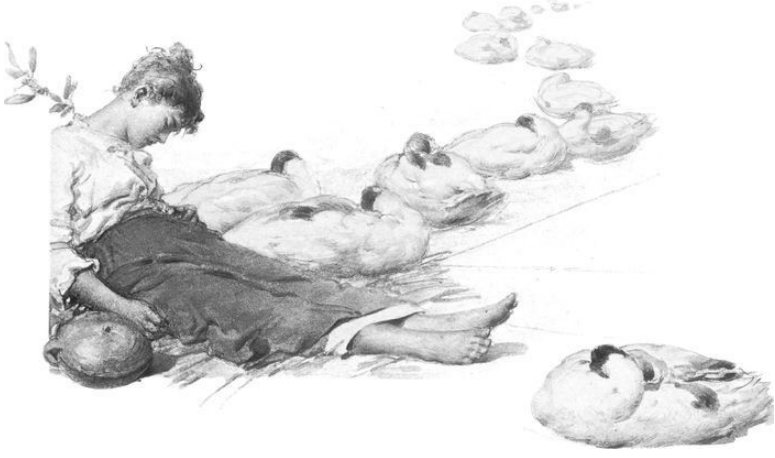
Тогда король и королева, поцеловав своё милое дитя, которое не проснулось от их поцелуя, вышли из замка и издали указ, запрещавший кому бы то ни было к нему приближаться. Запрет этот был излишен, ибо за четверть часа вокруг выросло так много деревьев – высоких и низеньких, так много колючих терновых кустов, сплетавшихся друг с другом, что сквозь них не прошёл бы ни зверь, ни человек; и видны были только башни замка, да и то лишь если глядеть издали. Никто не сомневался, что волшебница и на этот раз превзошла самоё себя, дабы принцессе, пока она будет спать, не грозила опасность от любопытных прохожих.



Через сто лет сыну короля, царствовавшего в то время и принадлежавшего к другому дому, нежели спящая принцесса, случилось охотиться в тех краях, и он стал спрашивать: что это за башни возвышаются над тем густым лесом? Каждый отвечал ему то, что сам слышал: одни говорили, что это старый замок, где появляются призраки, другие – что мест-

ные колдуны справляют там шабаш. Наиболее распространённое мнение было таково: там живёт людоед и всех маленьких детей, которых ему удаётся заполучить, он уносит туда – там ему всего удобнее их поедать, а последовать за ним никто не может, ибо только ему дана способность пробираться сквозь эту чащу.

Принц не знал, чему и верить, но тут вдруг заговорил какой-то старик-крестьянин и сказал ему: «Государь мой, вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как я слышал от моего отца, будто в этом замке спит принцесса и прекраснее её нет на свете; будто она должна проспать там сто лет и пробудит её королевский сын, которому она суждена».

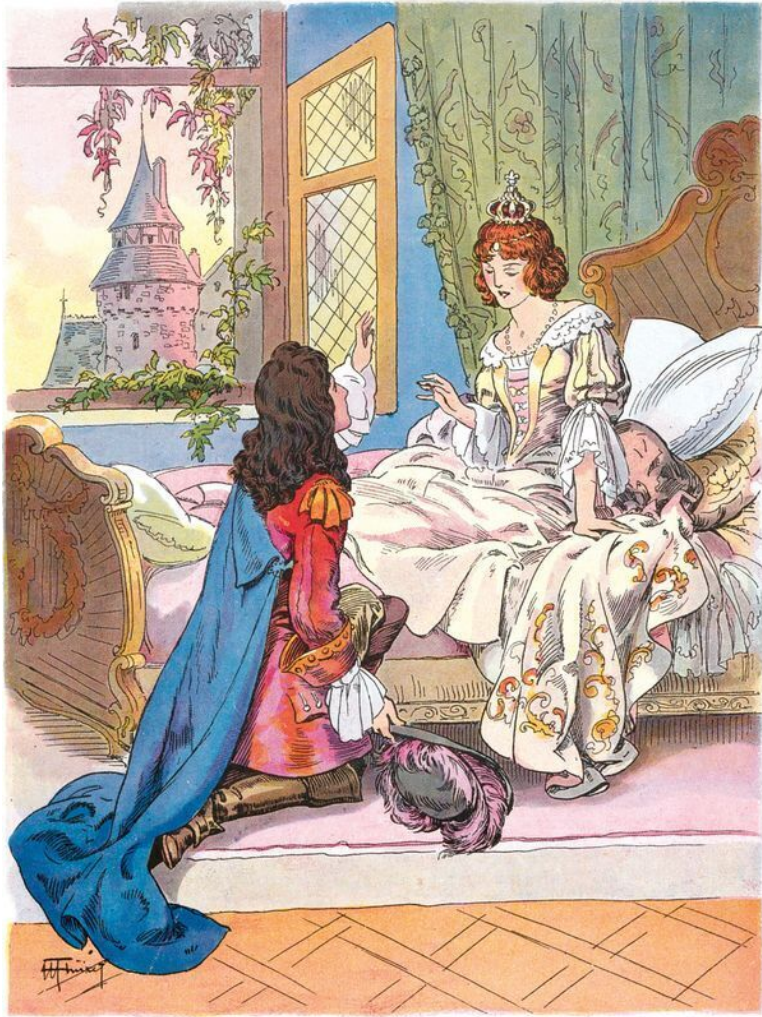


От этих слов юный принц исполнился пыла: не колеблясь, он решил, что доведёт до конца столь прекрасное приключение, и, движимый жаждой любви и славы, вознамерился тотчас узнать, правда ли всё это. Едва он сделал несколько шагов в сторону леса, как все эти колючие терновые кусты сами расступились и дали ему пройти. Он направился к замку, видневшемуся в конце широкого проезда, по которому он шёл, и несколько удивило его только то, что ни один человек из его свиты не смог последовать за ним, ибо деревья сразу же сомкнулись, едва только он миновал их. Принц не остановился: молодые влюблённые принцы всегда отважны. Он вошёл в большой передний двор, где всё, что он увидел, могло бы навеять на него леденящий ужас. Здесь царило страшное безмолвие: образ смерти являлся всюду, и всюду кругом распростёрты были тела людей и животных, казавшихся мёртвыми. Однако по угреватым носам и ярко-красным лицам привратников он понял, что они только спят; а судя по их чашам, в которых ещё сохранилось несколько капель вина, легко было догадаться, что эти люди, перед тем как заснуть, выпивали.

Он минует большой двор, выложенный мрамором, поды-мается по лестнице; входит в залу, где стражи стоят рядами, с ружьями на плечах, и храпят изо всех сил. Он проходит покоями, полными кавалеров и дам, и все они спят, одни –

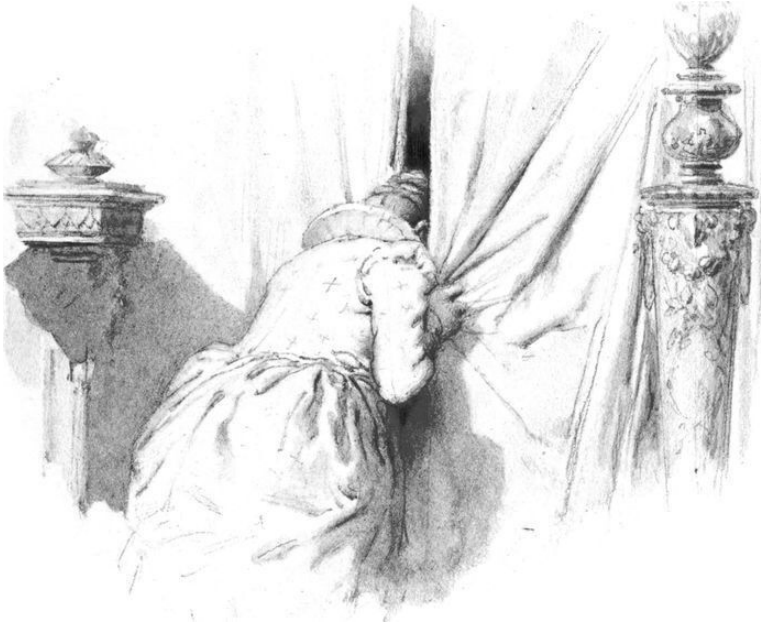
стоя, другие – сидя. Он входит в комнату, всю украшенную золотом, – и тут ему является зрелище, прекраснейшее из всех, какие ему случалось видеть: на постели, занавески которой были раздвинуты со всех сторон, лежала принцесса, на вид лет пятнадцати-шестнадцати, полная очарования, в котором было что-то лучезарное и небесное. Он приблизился к ней с трепетом и восхищением и опустился подле неё на колени.

Тогда принцесса пробудилась – ибо чарам пришло время рассеяться – и, глядя на него нежными глазами, что, казалось бы, не очень естественно для первого взгляда, молвила ему: «Вы ли это, принц? Вас долго пришлось ждать». Принц, очарованный этими словами, а ещё более – тоном, каким они были сказаны, не знал, как ему выразить свою радость и благодарность; он стал уверять, что любит её больше, чем самого себя. В речах его было мало порядка – от этого они понравились ещё больше: мало красноречия, много любви. Он был в большем смущении, чем она, и этому не должно удивляться: у неё было время подумать о том, что она ему скажет, ибо добрая волшебница, как видно (история, впрочем, об этом умалчивает), наделила её на время столь долгого сна даром приятных грёз. Словом, прошло четыре часа, как они разговаривали, а они ещё не сказали друг другу и половины тех вещей, которые хотели сказать.



Тем временем вместе с принцессой пробудился и весь дворец: каждый собирался приняться за своё дело, а так как все эти люди не были влюблены, то умирали от голода. Фрейлина, мучимая голодом, как и все остальные, потеряла терпение и во всеуслышание сказала принцессе, что жаркое подано. Принц помог принцессе подняться: она ведь была одета, и притом весьма пышно; но он не сказал ей, что одета она, как его бабушка, и что воротник у неё стоячий, – ведь от этого она не стала менее красива.

Они прошли в гостиную с зеркалами и поужинали там, а подавали им прислужницы принцессы. Скрипки и гобои играли им пьесы старые, однако превосходные, хотя их не играли уже лет сто; а после ужина, не теряя времени, священник обвенчал их в капелле замка, а потом фрейлина задёрнула полог. Спали они мало: принцессе в этом не было особой нужды, а принц утром покинул её, чтобы вернуться в город, где отец его, наверное, уже беспокоился о нём.



Принц сказал ему, что, охотясь, заблудился в лесу и ночевал в хижине угольщика, который дал ему чёрного хлеба и сыра. Король-отец, человек простодушный, поверил, но мать не особенно была склонна верить, а заметив, что принц почти каждый день уезжает на охоту и что всегда у него готово объяснение, когда он две или три ночи кряду не ночует дома, она уже не сомневалась, что у него какая-то любовная история.

С принцессой он жил уже более двух лет, было у них и двое детей – дочь, старшая, которую назвали Заря, и сын, которого назвали День, потому что он был ещё прекраснее, чем его сестра.

Королева, стараясь добиться объяснений от сына, несколько раз говорила ему, что в жизни следует искать семейных радостей; но он так и не решился доверить ей свою тайну: он опасался её, хоть и любил, ибо она была из племени людоедов и король женился на ней только ради её богатств. И даже при дворе шёпотом поговаривали, что у неё наклонности людоедов и что, видя маленьких детей, она с великим трудом сдерживается, чтобы не броситься на них, поэтому принц так и не захотел ничего ей сказать.

Но когда король умер – а это случилось через два года – и когда принц стал королём, он всенародно объявил о своём браке и самым торжественным образом отправился за женой в её замок. Ей устроили великолепный приём в столице, в которую она въехала с двумя своими детьми.

Немного времени спустя король собрался на войну с императором Канталабутом, своим соседом. Управлять королевством он предоставил королеве-матери и её попечениям поручил жену и детей: на войне он должен был пробыть всё лето; а как только он уехал, королева-мать отослала невест-

ку и её детей в загородный дом, находившийся в лесу, где ей удобнее было осуществить своё адское намерение. Через несколько дней она тоже отправилась туда и как-то вечером сказала своему дворецкому: «Завтра на обед я хочу съесть маленькую Зарю». – «Ах, госпожа моя!..» – сказал дворецкий. «Я так хочу, – сказала королева (и сказала тоном людоедки, которой хочется поесть свежего мясца), – и хочу съесть её под соусом Робер».

Бедный человек, видя, что с людоедкой нельзя шутить, взял свой большой нож и поднялся в комнату к маленькой Заре; ей в ту пору было четыре года, и она, прыгая и смеясь, бросилась к нему на шею и попросила у него лакомств. Он заплакал, нож выпал у него из рук; он вышел на двор, и зарезал маленького барашка, и приготовил его под таким прекрасным соусом, что королева уверяла его потом, будто никогда не ела ничего вкуснее. Маленькую Зарю он унёс с собой и отдал своей жене, чтобы она её спрятала на заднем дворе.

Неделю спустя злая королева сказала своему дворецкому: «Теперь я хочу, чтобы к ужину мне был подан маленький День». Дворецкий не возражал ей, решив обмануть её так

же, как и в первый раз. Он отправился за маленьким Днём и, придя к нему в комнату, увидел, что тот, держа крохотную рапиру, фехтует с большой обезьяной; а ведь мальчику было всего три года! Дворецкий снёс его к своей жене, которая спрятала его вместе с Зарёй, а вместо Дня подал на ужин козлёнка, отличавшегося весьма нежным мясом, так что королева нашла его превосходным на вкус.

До сих пор всё шло хорошо, но однажды вечером эта злая королева сказала дворецкому: «Я хочу съесть и мою невестку под таким же соусом, что и её детей». Вот тут-то бедный дворецкий и потерял надежду обмануть её. Молодой королеве уже минул двадцатый год, не считая тех ста лет, что она проспала; кожа у неё была всё же жёсткая, хотя красивая и белая; а где взять на скотном дворе животное с такой жёст-

кой кожей? Чтобы спастись самому, он решил зарезать королеву и поднялся в её покои, намереваясь покончить дело разом. Он разжигал в себе ярость и с ножом в руках вошёл в комнату молодой королевы; однако он не захотел напасть на неё врасплох и весьма почтительно сказал ей о приказании, которое получил от королевы-матери. «Исполняйте ваш долг, – сказала она, подставляя шею под нож, – исполняйте приказание, которое вам дали; теперь я увижу детей, моих бедных детей, которых я так любила!» – ибо она считала их мёртвыми с тех пор, как их у неё отняли.

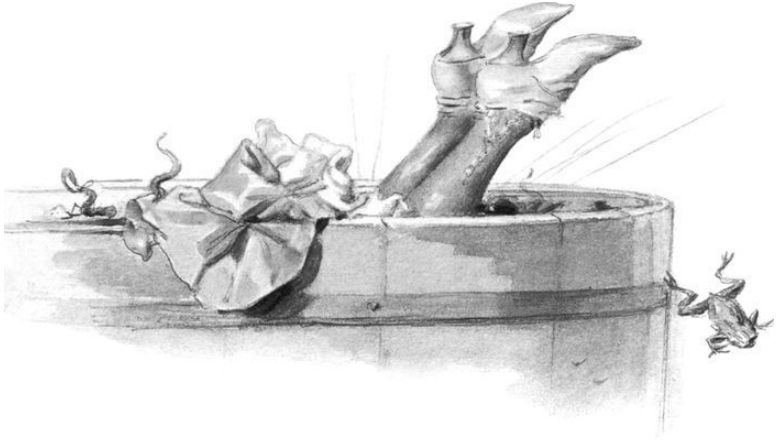
«Нет-нет, госпожа моя, – отвечал ей бедный дворецкий, совсем растроганный, – вы не умрёте и всё-таки увидите ваших милых детей, но увидите вы их у меня, там, где я их спрятал, а я ещё раз обману королеву – я изжарю для неё вместо вас молодую лань». Он тотчас же повёл её к себе в комнату и оставил обнимать детей и плакать с ними, а сам пошёл приготовлять лань, которую королева-мать и съела за ужином с таким аппетитом, словно то была молодая королева; она была очень довольна своей жестокостью и собиралась сказать королю по его приезде, что бешеные волки сожрали его жену-королеву и обоих его детей.

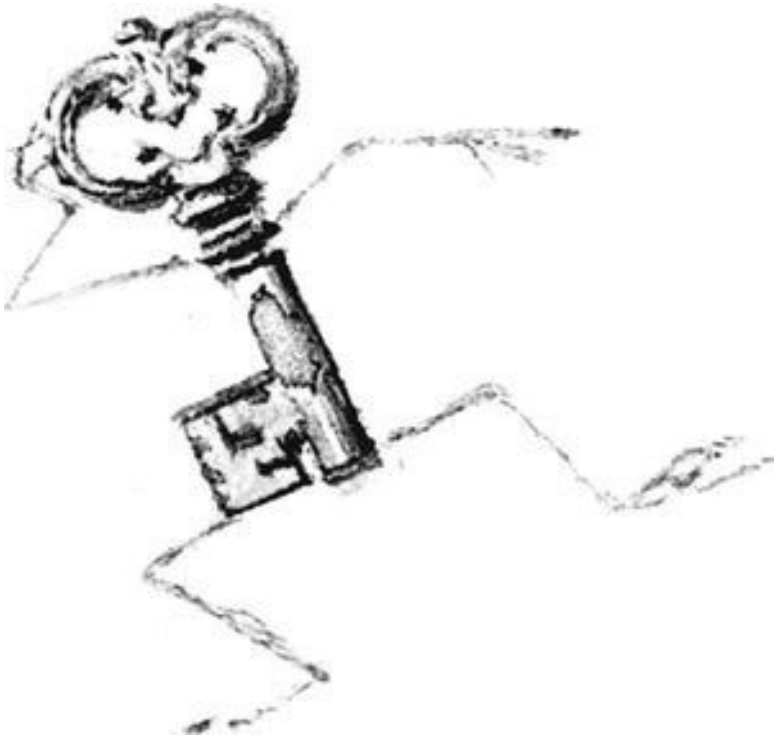
Однажды вечером, когда она, по своему обыкновению, бродила по замку, по дворам, птичьему и скотному, принюхиваясь, не пахнет ли свежим мясом, она услышала, как в комнате нижнего этажа плачет маленький День, ибо королева, его мать, хотела высечь его за то, что он выказал злой нрав; она услышала также, как маленькая Заря просит, чтобы простили её брата. Людоедка узнала голос королевы и её детей и, в ярости оттого, что её обманули, страшным голосом, всех приведшим в трепет, приказала, чтобы завтра же утром посреди двора поставили большой чан, наполненный жабами, ужами, гадюками и другими змеями, и бросили в

него королеву с её детьми, дворецкого, его жену и его служанку; она велела, чтобы их привели, связав им руки за спиной.

Они стояли во дворе, и палачи уже готовились бросить их в чан, как вдруг король, которого так скоро не ожидали, въехал верхом во двор; он примчался во весь опор и, весьма удивлённый, спросил, что означает это ужасное зрелище. Никто не смел объяснить ему это, и тут вдруг людоедка, в бешенстве оттого, что ей помешали, сама бросилась в чан,

вниз головой, и в один миг была сожрана мерзкими тварями, которых она велела туда насажать. Король не мог не огорчиться: ведь это была его мать; но он вскоре утешился со своей прелестной женой и своими детьми.





Мораль

Немного потерпеть, чтоб мужа приобресть,
А в нём – богатство, статность, честь,
Тому всегда найдёшь примеры,
Но сотню лет прождать и спать притом без меры —
Уж больше не найти такой

Красотки сонной и простой.
А сверх того, нас учит эта сказка,
Что, коль со свадьбою немного обождать,
Всё так же будет нам приятна мужа ласка,
И подождать – не значит потерять.
Но к сердцу сердце ведь стремится,
Единым пламенем горя,
И не могу никак решиться
На проповедь такую я.

Красная Шапочка

Жила когда-то в одной деревне девочка, до того хорошенькая, что другой такой не было на свете; мать без памяти любила её, а ещё больше любила её бабушка. Старушка подарила ей красную шапочку, которая так ей шла, что девочку везде называли Красной Шапочкой.

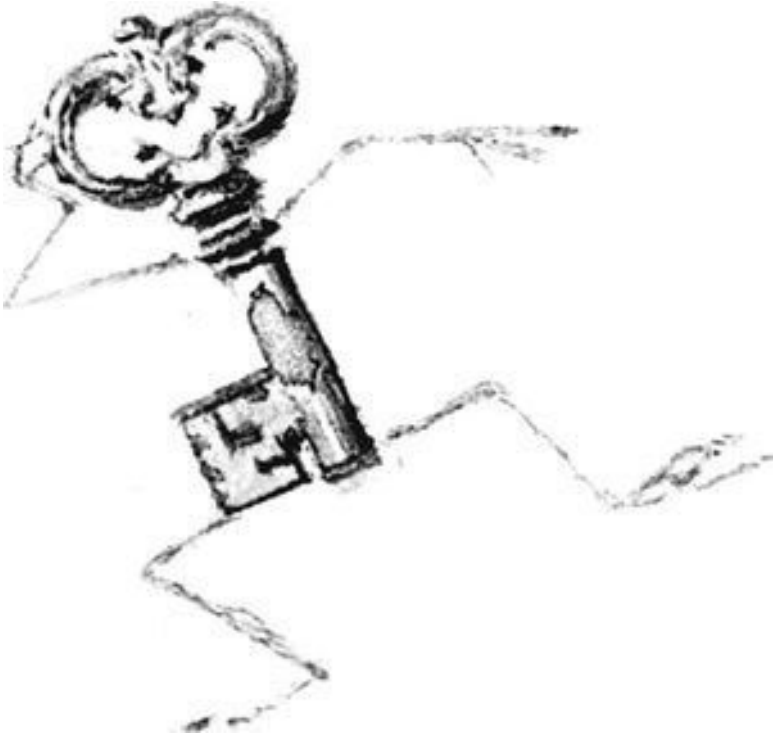
Однажды её мать напекла лепёшек и сказала ей: «Сходи проведай бабушку – я слышала, что она больна. Снеси ей лепёшку и горшочек масла». Красная Шапочка сразу же пустилась в путь – пошла к своей бабушке, которая жила в другой деревне. Когда она шла лесом, ей повстречался Волк, которому очень захотелось её съесть, но он не посмел, потому что в лесу были дровосеки. Он спросил, куда она идёт. Бедное дитя, не зная, как опасно останавливаться в пути слушать волка, ответило ему: «Я иду проведать мою бабушку и несу ей лепёшку да горшочек масла, который ей посылает моя мать». – «А далеко ли она живёт?» – спросил Волк. «Да, очень далеко, – ответила Красная Шапочка, – вон за той мельницей, что вы видите там, вдали, – первый дом в деревне». – «Ну, – сказал Волк, – так я тоже пойду проведаю её; я пойду этой дорогой, а ты пойдёшь той, и мы посмотрим, кто раньше придёт».

Волк что было мочи бросился бежать дорогой более короткой, а девочка пошла дорогой более длинной и по пути забавлялась тем, что срывала орешки, бегала за бабочками, делала букеты из цветочков, которые попадались ей на глаза.

G. Doré

Немного времени прошло, а Волк очутился уже у бабушкиного дома; он стучит: тук-тук. «Кто там?» – «Ваша внучка, Красная Шапочка, – сказал Волк, изменив свой голос, – несёт вам лепёшку и горшочек масла, который вам посылает моя мать». Добрая бабушка, лежавшая в постели, потому что не совсем была здорова, закричала ему: «Потяни щеколду, задвижка и отскочит». Волк потянул щеколду, и задвижка отскочила. Он бросился на старушку и в один миг сожрал её, потому что уже три дня как ничего не ел. Потом он запер дверь и улёгся в бабушкину постель, ожидая Красную Шапочку, которая немного погодя и постучала в дверь – тук-тук. «Кто там?» Красная Шапочка, услышав грубый голос Волка, сначала испугалась, но, вспомнив, что бабушка простужена, ответила: «Ваша внучка, Красная Шапочка, несёт вам лепёшку и горшочек масла, который вам посылает моя мать». Волк, немножко смягчив свой голос, прокричал ей: «Потяни щеколду, задвижка и отскочит». Красная Шапочка потянула щеколду, и задвижка отскочила. Волк, увидев, что она входит, сказал ей, спрятавшись под одеяло: «Лепёшку и горшочек с маслом поставь на сундук, а сама иди ляг со мной». Красная Шапочка разделась и легла в постель, но тут её немало удивило, каков у бабушки вид, когда она раздета. Она ей сказала: «Бабушка, какие у вас большие руки!» – «Это для того, чтобы лучше тебя обнимать, внучка!» – «Бабушка, какие у вас большие ноги!» – «Это чтобы лучше бегать, дитя моё!» – «Бабушка, какие у вас большие уши!» –

«Это чтобы лучше слышать, дитя моё!» – «Бабушка, какие у вас большие глаза!» – «Это чтобы лучше видеть тебя, дитя моё!» – «Бабушка, какие у вас большие зубы!» – «Это чтобы съесть тебя!» И, сказав эти слова, злой Волк бросился на Красную Шапочку и съел её.



Мораль

Из этой присказки становится ясней:
Опасно детям слушать злых людей,
Особенно ж девицам

И стройным, и прекраснолицым.
Совсем не диво и не чудо
Попасть волкам на третье блюдо.
Волкам… но ведь не все они
В своей породе откровенны.
Иной приветливый, почтенный,
Не показав когтей своих,
Как будто бы невинен, тих,
А сам за юною девицей
До самого крыльца он по пятам стремится.
Но кто ж не ведает и как не взять нам в толк,
Что всех волков опасней льстивый волк.

Синяя Борода

Жил когда-то человек, у которого были прекрасные дома и в городе, и в деревне, золотая и серебряная посуда, кресла, украшенные шитьём, и золочёные кареты. Но к несчастью, у этого человека была синяя борода и она придавала ему такой уродливый и страшный вид, что не было ни женщины, ни девушки, которая не убегала бы, завидев его.

У одной из его соседок, дамы знатной, были две дочери

дивной красоты. Он попросил выдать замуж за него одну из них и предоставил матери выбрать ту, которую она согласится за него отдать. Обе не хотели идти за него и отказывались от него одна в пользу другой, не в силах избрать мужем человека, у которого борода – синяя. Внушало им отвращение и то, что этот человек уже несколько раз был женат и никто не знал, что сталось с его жёнами.

Чтобы завязать более близкое знакомство, Синяя Борода пригласил их вместе с матерью и тремя или четырьмя лучшими подругами, а также несколькими молодыми людьми, их соседями, в один из своих загородных домов, где гости

пробыли целую неделю. Всё время было занято прогулками, поездками на охоту и на рыбную ловлю, танцами, пиршествами, завтраками и ужинами; никто не думал спать, и каждую ночь напролёт гости изощрялись во всевозможных шутках, – словом, все устроилось так хорошо, что младшей дочери стало казаться, будто у хозяина дома борода уже совсем не такая синяя и сам он – человек весьма порядочный. Как только вернулись в город, свадьба была решена.

H Thiriet

Через месяц Синяя Борода сказал своей жене, что ему надо уехать в деревню, по крайней мере недель на шесть, ради важного дела; он просил её развлекаться во время его отсутствия; говорил ей, чтоб она позвала своих подружек, чтоб она, если ей захочется, свезла их за город, чтобы всюду она ела всё самое вкусное. «Вот, – сказал он, – ключи от обеих больших кладовых; вот ключи от посуды золотой и серебряной, которую подают не каждый день; вот ключи от сундуков, где хранится моё золото и серебро; вот ключи от ларцов, где лежат мои драгоценные камни; вот ключ, что отпирает все комнаты в моём доме. А этот маленький ключ – ключ от комнаты, что в конце нижней большой галереи. Открывайте все двери, всюду ходите, но входить в эту маленькую комнату я вам запрещаю, и запрещаю так строго, что, если вам случится открыть туда дверь, вы можете всего ждать от моего гнева».

Она обещала в точности соблюсти всё то, что было ей приказано, а он, обняв жену, сел в свою карету и уехал.

Соседки и подружки не стали ждать, чтоб за ними послали гонцов, а сами поспешили к новобрачной – так не терпелось им увидеть все богатства её дома, а пока там был её муж, они не решались посетить её – из-за его синей бороды, которой они боялись. Вот они сразу же и начали осматривать комнаты, комнатки, гардеробные, превосходившие одна другую красотою и богатством. Затем они перешли в кладовые, где не могли налюбоваться красотою бесчисленных ковров, постелей, диванов, шкапчиков, столиков, столов и зеркал, в которых можно было увидеть себя с головы до ног и края которых – у одних стеклянные, у других из позолоченного серебра – были красивее и великолепнее всего, что только слу-

чалось им когда-либо видеть. Не переставая завидовать, они всё время превозносили счастье своей подруги, которую, однако, вовсе не занимало зрелище всех этих богатств, ибо ей не терпелось пойти открыть внизу маленькую комнатку.

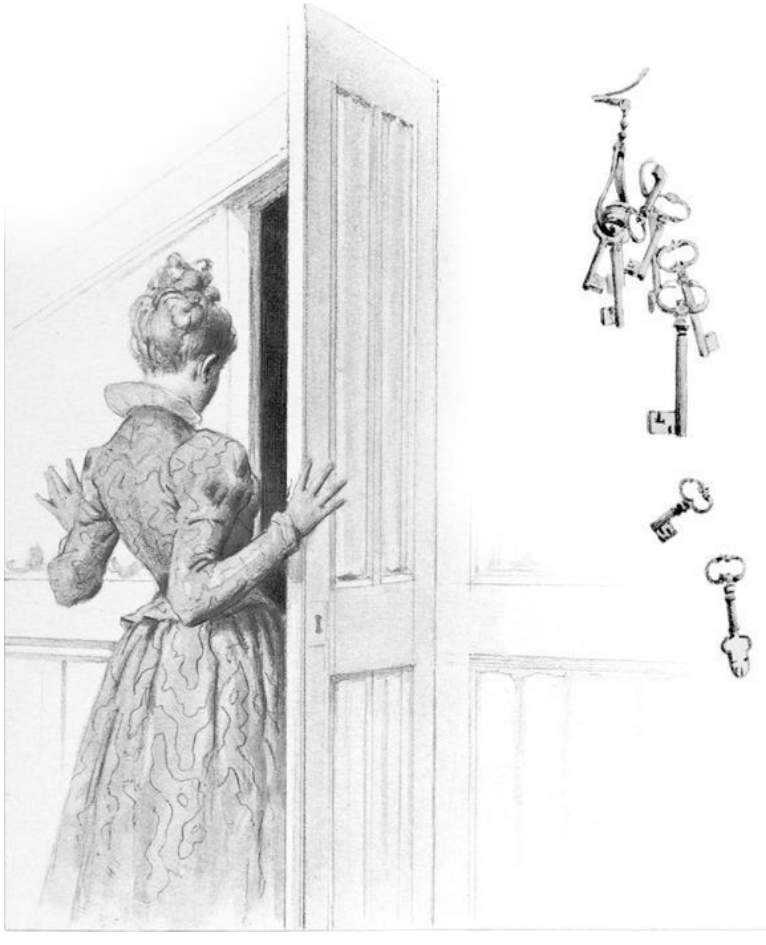
Её до того одолело любопытство, что, не приняв в соображение, сколь невежливо покидать своих гостей, она спустилась по потаённой лесенке, и притом с такой поспешностью, что раза два или три, как ей показалось, чуть было не сломала себе шею. У двери в маленькую комнатку она постояла несколько минут, вспоминая о запрете, который наложил её муж, и размышляя о том, что за это непослушание её может постигнуть несчастье; но соблазн был так силён, что она не могла победить его: она взяла ключик и с трепетом отворила дверь.

Сперва она ничего не увидела, потому что ставни были закрыты. Через несколько мгновений она стала замечать, что пол весь покрыт запёкшейся кровью и что в этой крови отражаются тела нескольких мёртвых женщин, висевших на стенах: всё это были жёны Синей Бороды, который вступал с ними в брак, а потом убивал. Она подумала, что умрёт со

страху, и выронила ключ, который вынула из замка.

Немного придя в себя, она подняла ключ, заперла дверь и поднялась к себе в комнату, чтобы хоть несколько оправиться; но это ей не удалось, в таком она была волнении.

Заметив, что ключ от маленькой комнаты запачкан кровью, она два или три раза вытерла его, но кровь не сходила; сколько она ни мыла его, сколько ни тёрла его песком и песчаным камнем, всё-таки кровь оставалась, потому что ключ был волшебный и не было никакой возможности совсем отчистить его: когда кровь счищали с одной стороны, она появлялась на другой.



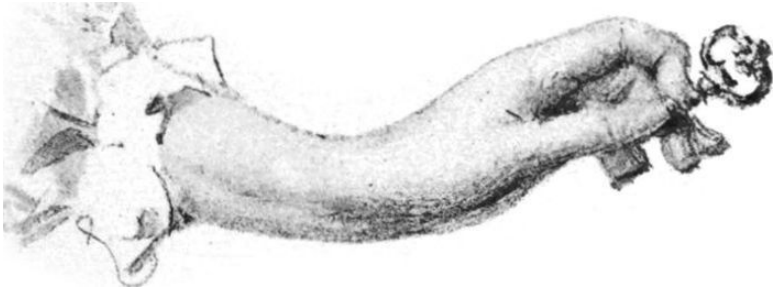
Синяя Борода вернулся из своего путешествия в тот же вечер и сказал, что получил в дороге письма, сообщавшие

ему, что дело, ради которого он ехал, разрешилось в его пользу. Жена его сделала всё возможное, только бы доказать ему, что она в восторге от его скорого возвращения.

На другой день он потребовал у неё ключи, и она отдала их ему, но у неё так дрожали руки, что он без труда догадался обо всём случившемся. «Отчего это, – спросил он её, – ключа от маленькой комнатки нет вместе с другими ключами?» – «Наверно, – сказала она, – я оставила его наверху, у себя на столе». – «Не забудьте, – сказал Синяя Борода, – отдать мне его поскорее».

Наконец, после разных отговорок, пришлось принести ключ. Синяя Борода, посмотрев на него, сказал жене: «Отчего на этом ключе кровь?» – «Не знаю», – ответила несчастная жена, бледная как смерть. «Не знаете? – переспросил Синяя

Борода. – А я знаю. Вам захотелось войти в маленькую комнатку. Ну что ж, сударыня, вы и войдёте в неё и займёте там ваше место возле дам, которых вы там видели».

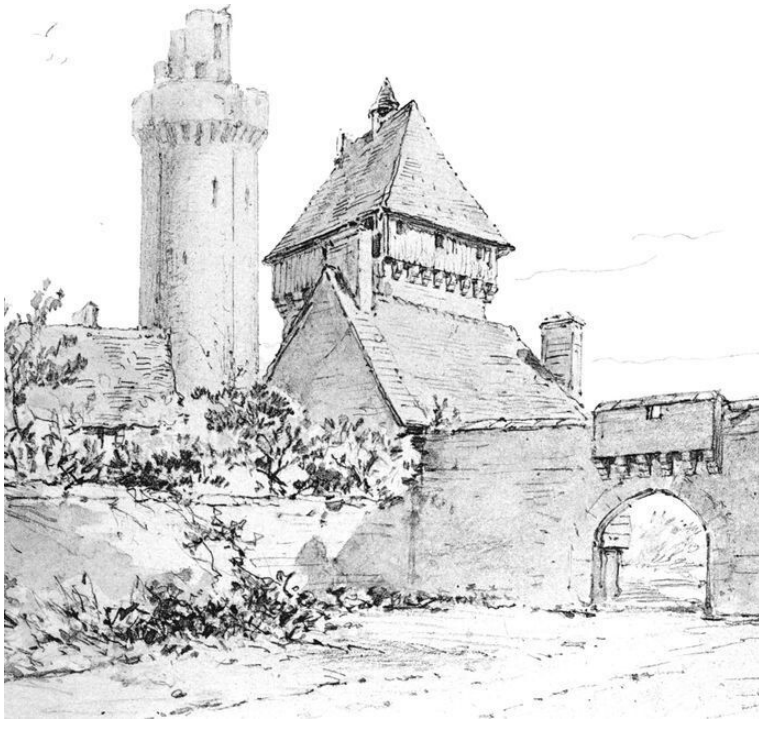


Она бросилась к ногам мужа, плача, прося у него прощения и по всем признакам искренно раскаиваясь в своём непослушании. Прекрасная и печальная, она тронула бы даже скалу, но у Синей Бороды сердце было более суровое, чем скала. «Вы должны умереть, сударыня, – сказал он ей, – и немедля». – «Если я должна умереть, – ответила она, глядя на него глазами, полными слёз, – дайте мне хоть несколько минут – помолиться Богу». – «Даю тебе семь минут, – ответил Синяя Борода, – но ни мгновения больше».

Оставшись одна, она позвала сестру и сказала ей: «Сестрица моя Анна (ибо так звалась её сестра), прошу тебя, подымись на башню и посмотри, не едут ли мои братья: они обещали навестить меня сегодня; а если ты увидишь их, дай им знак, чтоб торопились». Сестра Анна поднялась на башню, а бедняжка в тоске время от времени окликала её: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала ей: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит».

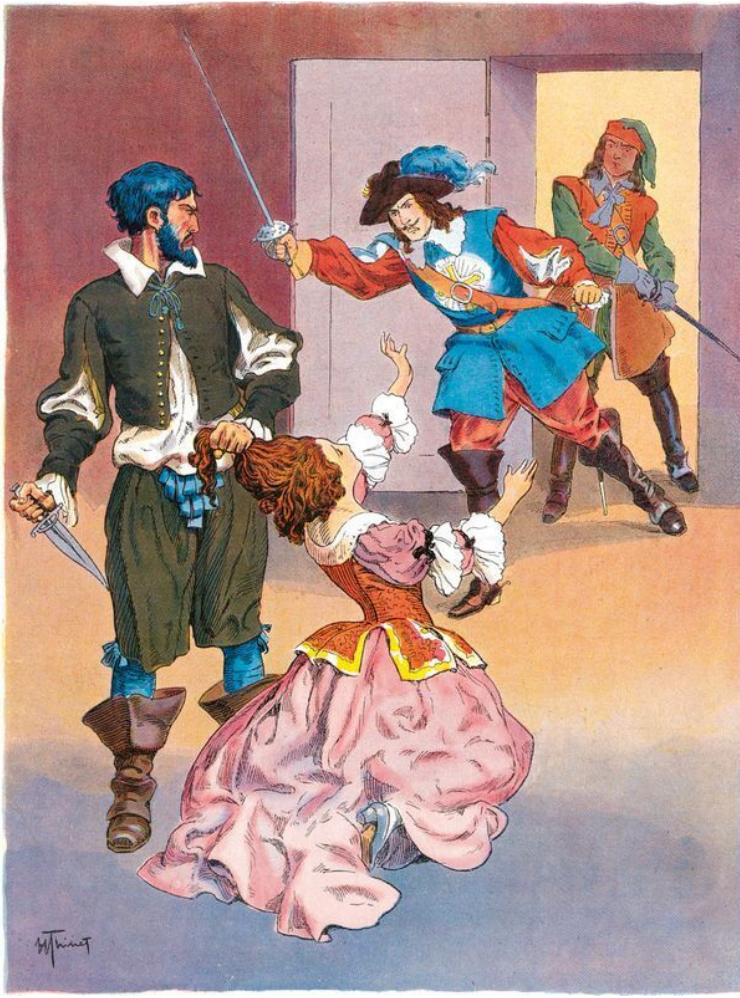
Между тем Синяя Борода держал уже большой нож в руке и кричал что было мочи: «Скорее иди сюда, а не то я сам к тебе приду». – «Ещё минуточку, пожалуйста, – ответила жена и тихо окликнула сестру: – Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит».

«Да иди же скорее, – крикнул Синяя Борода, – а не то я сам поднимусь». – «Иду, – ответила жена, а потом окликнула сестру: – Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» – «Вижу, – ответила сестрица, – большое облако пыли, оно несётся к нам…» – «Это мои братья?» – «Увы, нет, сестрица, я вижу стадо баранов…» – «Да когда же ты придёшь?» – закричал Синяя Борода. «Ещё минуточку, – ответила жена, а потом окликнула сестру: – Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» – «Вижу, – ответила она, – двух всадников, они скачут сюда, но они ещё далеко!» – «Слава богу! – воскликнула она через несколько мгновений. – Это мои братья. Я подаю им знак, чтоб они торопились».

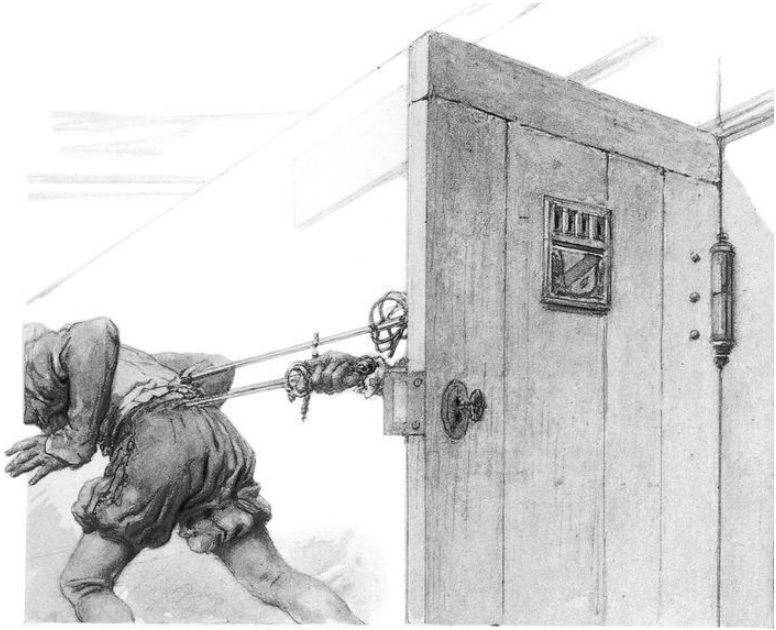


Тут Синяя Борода закричал так громко, что задрожал весь дом. Бедняжка спустилась с башни и бросилась к его ногам, вся в слезах, с растрепавшимися волосами. «Это ни к чему не послужит, – сказал Синяя Борода, – придётся умереть». И, схватив её за волосы, он занёс нож и уже готов был отрезать ей голову. Бедная женщина, обернувшись к нему и глядя на него помертвевшими глазами, попросила дать ей ещё

минуточку, чтоб приготовиться к смерти. «Нет, нет, поручи свою душу Богу», – сказал он, подняв руку… В эту минуту раздался такой страшный стук в дверь, что Синяя Борода остановился. Дверь отворилась, и тотчас же вошли двое мужчин, которые, выхватив шпаги, бросились прямо на Синюю Бороду…

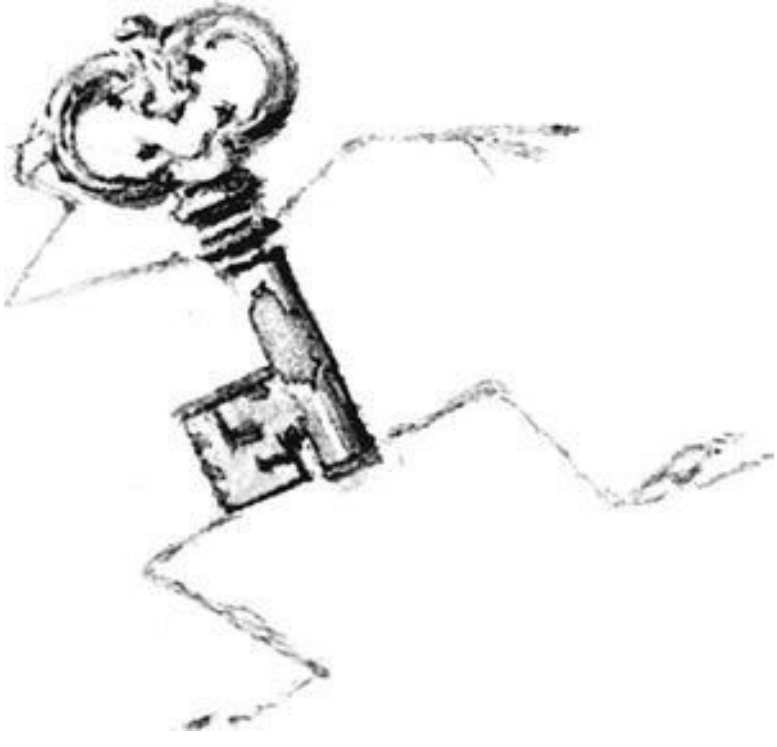


Он узнал братьев своей жены, драгуна и мушкетёра, и, спасаясь от них, пустился бежать, но они так быстро за ним погнались, что поймали прежде, чем он успел выскочить на крыльцо. Они насквозь пронзили его шпагами, и он упал мёртвый. Бедная женщина была сама чуть жива, и у неё даже не хватило сил подняться и обнять своих братьев.



Оказалось, что у Синей Бороды нет наследников и что жене его, таким образом, должны достаться все его богатства.

Часть из них она употребила на то, чтобы выдать сестрицу свою Анну за молодого дворянина, давно уже любившего её; другую часть – на то, чтобы доставить своим братьям капитанский чин, а остальные – на то, чтобы самой выйти замуж за одного хорошего человека, который помог ей забыть то тяжёлое время, когда она была женою Синей Бороды.



Мораль

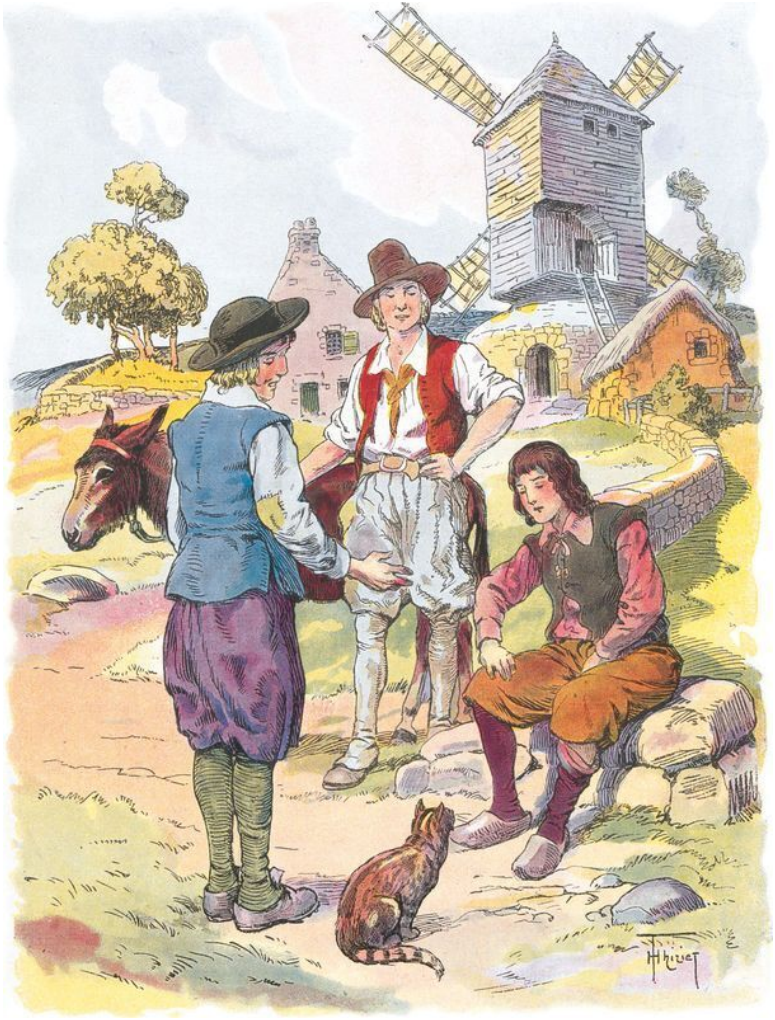
Нередко любопытство губит нас,
Немало хитрых в нём прикрас,
И без конца тому встречаются примеры.
То – преходящая забава, видит свет.
Хоть стоит дорого без меры,
А только тронь – её уж нет.

Иная мораль

Чуть здравым смыслом обладая
И зная, что такое свет,
Узнать нетрудно, не гадая,
Что это сказка давних лет.
Уж нет супругов столь ужасных,
Что невозможного хотят.
У нас ревнивцев самовластных
Увидишь подле жён смирней ягнят.
Пусть будет борода какого хочешь цвета,
А кто под каблуком – неясно часто это.

Господин кот, или Кот в сапогах

Один мельник в наследство своим трём сыновьям оставил всего-навсего мельницу, осла и кота. Наследство делили недолго – не звали ни нотариуса, ни адвоката: те быстро съели бы всё скудное наследство. Старшему досталась мельница, среднему достался осёл, а младшему – всего только кот. Младший не мог утешиться, что получил такую жалкую долю. «Братья мои, – говорил он, – могут честно зарабатывать себе на жизнь, если соединят своё имущество; а мне, когда я съем моего кота, а из его шкуры сделаю себе муфту, придётся умереть с голода».


H Hiver

Кот, который слышал эти слова, но и вида не показал, молвил ему тоном степенным и серьёзным: «Не огорчайтесь, государь мой; дайте мне только мешок да закажите пару сапог, чтобы мне было в чём пробираться через кусты, и вы увидите, что вам досталась вовсе не такая жалкая доля, как вам кажется». Хотя хозяин Кота и не слишком полагался на эти речи, но ему столь часто случалось видеть, какую прыть проявлял Кот, когда ловил крыс и мышей, как он цеплялся лапами за стену или прятался в муке, притворяясь мёртвым, что он не терял надежды дождаться от него помощи в своей беде.

Когда Кот получил то, о чём просил, он исправно обулся, перекинул через плечо мешок и, взявшись передними лапами за шнурки от него, отправился в лес, где водилось немало кроликов. В мешок свой он наложил отрубей и заячьей капустки и, растянувшись на земле, будто мёртвый, стал ждать, чтобы какой-нибудь юный кролик, ещё не искушённый в хитростях света, залез в мешок – полакомиться тем, что было туда положено.

Едва он улёгся, как уже достиг желанной цели: молодой легкомысленный кролик забрался в мешок, и господин Кот, тотчас затянув шнурки, схватил его и умертвил без пощады.

Гордый своей добычей, он отправился к королю и попро-

сил разрешения повидаться с ним. Кота впустили в покои его величества, и он, войдя, отвесил королю низкий поклон и сказал: «Государь! Вот кролик, которого господин маркиз де Караба (такое имя заблагорассудилось ему дать своему господину) поручил мне поднести вам от его имени». – «Скажи твоему господину, – ответил король, – что я благодарю его и что он доставил мне удовольствие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.